

Кто следующий?

Наше время — время контрактов. Радуйтесь происходящим переменам, особенно задумайтесь, как набирает силу перестройка, с нетерпением открывайте каждый новый номер газеты — это в одной стороне. А с другой — другие озабочиваются в царстве свободных, прости ошеломля-

юще переделат, где вообще творится всякое беспорядочное творчество. Целый театр можно превратить в каменный дом — свою крепость. И попробуйте взять такую крепость. Должен будет нужна осада...

НИЗАМОВЫЙ ДИРЕКТОР

События двенадцатилетней давности в Таджикиском государственном ордене Ленина академическом театре оперы и балета имени С. Айни и вокруг него, неизвестно, неправдоподобно и труднообъяснимо даже с точки зрения хронологии. А она имеет с данной историей самое прямое отношение. Душанбинский театр на сегодняшний день утратил тем, что теснобыли узлами связей с районной и республиканской прокуратурой. Позже, между двумя организациями существовали в течение последнего года не замечавшие столько сплетен театром. Прокуратура приостанавливала на работу незаконно уволенного, снимает незаконно заключенный договор, оспаривает приказ, лишает официальные подурезднения и подурезднения. Но даже если бы не было бы никаких изданий директором театра А. Низамов.

Хочу казнить, хочу амнистию — и вся тут. А всеми там общественными организациями пусть лучше под ногами не путаются, да и художественному руководству лучше помалкивать и только выполнять с готовностью директивы директора. Вот какой великий человек объявился в городе Душанбе.

И годы еще не прошло до времени прихода нового директора, но результаты его деятельности весьма впечатляющие. План по доходам от сборов театром не достигнут от воров шлям. Это при том, что на 1987 год Министерством культуры Таджикистана выдано театру лишь один миллион (за этот миллион А. Низамов по доходам и увеличению плановых убытков). Конечно, финансовые, кадровые и другие проблемы родились на сегодня. И, казалось бы, кому, как не новому директору, попытаться исправить положение. Однако Низамов своими действиями все более усугубляет его.

В дни моего пребывания в Душанбе на спектакле «Евгений Онегин» в зале было 38 человек, на «Поэма гора — 45 А» если учесть, что на том и другом спектакле присутствовало по группам иностранных туристов, то картина популярности театра в городе оказывается в самом неблагоприятном. Вроде никак нельзя на это гостеприимно раскланываться да и вот, казалось бы, где можно довериться молодому, энергичному директору. Наладить рекламу, контакты с продюсерами, привлечь в театр зрителей. Но эта работа деятельности Низамова не заинтересовала. Более того, не достигнув плановых показателей по доходам на 1986 год 27 тысяч рублей на рекламу и обновление спектаклей использовались только по плану, причем на рекламу не было потрачено ни одной копейки.

Сводную месячную афишу театр не выпускает вообще. Но если вам даже очень повезет и вы найдёте в городе центр с опереточной афишей (мне один раз удалось его увидеть), то не радуйтесь. Репертуар уже давно изменился, а посылочный к дереву центр можно рассмотреть лишь как элемент городского пейзажа. Даже большая афиша перед фасадом театра бессовестно обманывает. За девять дней своей командировки я смог посмотреть только три спектакля и концерт, зато оказался свидетелем двух землетрясений и трех отмен спектаклей. И это не исключение — до десяти и более отмен в среднем каждый месяц. Стоит ли удивляться отсутствию зрителей?

Но если зритель все-таки пришел в театр, то еще большой вопрос, законит ли он прийти сюда еще раз. Завбита о художественном состоянии спектаклей представляется Низамову издешевым. Не выходя из зала, вы можете поправить финансовые дела опереточным авансом, снижением фонда заработной платы, сокращением на постановочные затраты, не предоставляя зрителю никаких отступлений. Так произошло, например, в постановочной балете «Тысяча и одна ночь»: из выделенных на постановку 10 845 рублей было освоено только 6,100. Худсовет постановки директр показал спектакль и снял его на доработку. Волею директора балет был выключен в репертуар без всякого доклада и в таком виде идет до сих пор и, судя по всему, будет идти дальше. А художник З. Сабилов, требовавший необходимых материалов, уволен по сокращению — восстановлен впоследствии.

Что же художественные руководители? Проступают, возмущаются, обращаются к вышестоящим инстанциям. Война со злостью и отдают все свои силы директору, не брезгуя никакими средствами. Вообще же свою деятельность на новом посту директор начал с увольнения главного балетмейстера театра народного артиста Таджикской ССР М. Бурханова.

НИЗАМОВ ПРОТИВ БУРХАНОВА

Еще привелом прошлого директора, чтобы не отнимались. Но просьба инстанциям работников культуры отказать «Миллион» выделенный на 13 июля прошлого года, был аннулирован на концерт. Программа концерта была доставлена накануне Бурхановым директрине с заместителем директр, главным режиссером и главным директр. В день концерта «Миллион» потребовал вернуть отказать, что было уже невозможно. Директр обвинил Бурханова в самовольном изменении репертуара, оскорбил его и тем самым спровоцировал его на выход из зала. Не

слодовало, конечно. Бурханову подчинился инстинкт, но сразу же заявил другим выделенным было тут же подчинено и тут же был выделен приказ об увольнении, хотя увольнять главного балетмейстера можно только министром культуры и, как любой советский гражданин. Бурханов имел право в течение двух месяцев обратиться в суд.

Прокуратура восстановила Бурханова, но практически он оказался отстранен от руководящих балетом. Балетом руководит сам директор с помощью заместителя директора С. Уайновой. К примеру, в ответ на протест Бурханова против эксплуатации его постановкой «Тысяча и одна ночь» в народном театре Низамов во время болезни Бурханова на несколько дней на его место оформляет Уайнову, и та подписывает репертуарный план, удобный директору. В балетном центре резко упала дисциплина. Соллист В. Ишановичев пропустил 15 постановочных репетиций, на уровне на уроках солисты Х. и В. Алибаевы срывают номер на концерте. И именно эти артисты подписывают письмо против Бурханова, выступают против него на собрании обвиняя в плохой работе с молодежью, в том, что из-за него уходит актеры, что он стремится, чтобы каждый палец дыктера на его затылке. Но, как выразила комиссия горкома, индиректор Бурханов не виноват. За 1986 год под его руководством было сделано 90 актов молодых танцовщиц, в отличие от артистов танечного исполнения хореографического театра главный балетмейстер обвиняет.

В феврале Бурханов был объявлен строгий выговор за флюктуацию содержания слухов распития спиртных напитков артистами балета. Историей этой занимались районная комиссия. Факта пьянства не установлено — отмечали день рождения с чаем и тортом. Выговор отпротокован прокуратурой и снят.

НИЗАМОВ ПРОТИВ ОРКЕСТРА

Не лучше обстоят дела и в оркестре. К приходу Низамова здесь уже существовал давний конфликт директр А. Яновичкиной с коллективом оркестра. В 1985 году музыканты неоднократно отказывались играть с ним Яновичкиной получил тот выговор и был уволен, но при этом были нарушены некоторые формальности, и потому довольно быстро его восстановили. Немалую роль в этом сыграл, конечно, выступивший в качестве представителя министерства на суде и заявивший, что поступил Яновичкиной нельзя рассматривать как нарушение. Хотя вряд ли можно приветствовать, к примеру, тот факт, что во время исполнения второго акта балета «Жартица» директр остановил спектакль и пошел амнистировать отсутствующего одного из музыкантов, а артисты должны были ждать, пока он вновь встанет за пультом.

Вспыхивая в театр Яновичкиной не только нежелание платить налоги отчисления с коллективом. Его позиция: суд меня восстановит, значит, я прав. Оркестранты на собраниях говорили об оскорбительном отношении директр, о пренебрежении интересами коллектива, нехватке, о профессиональных нарушениях — нарушением ему музыкантам Яновичкиной просто-напросто не делают отчисления вступительно.

И разразился скандал. Четыре раза Яновичкиной пытался начать спектакль, но музыканты молчали. Спектакль задержали на 1 час 15 минут. На собрании оркестра 26 декабря прошлого года музыканты подтвердили свое решение не играть с Яновичкиной (за — 28, против — 1, 5 — воздержались). Нужно было срочно разбираться в сложившейся ситуации. И Низамов сразу после этого, 18 февраля, с. уторм без всякого предупреждения все работники театра были вызваны в Большой зал, где директр провел брифинг по поводу Яновичкиной. Никто не вел протокола, голоса Низамов подсчитывал сам. Оркестр в голосовом участии не принимал, он находился в оркестровой яме, так сказать, в состоянии коллективного обморока.

Однако там на меня попрекнули отказываться работать с Яновичкиной, концертмейстеры и актрисы музыканты получают выговор за выговором Яновичкиной не собираются отступить, полномочию заставляет непокорным. Он даже видит свой «гражданский долг» в том, чтобы, используя ситуацию, некачать. А может, и не дошло бы дело до скандала, и Яновичкиной все бы свалило другому, если бы не позиция Низамова. Яновичкиной работать будет, а все неспасенные будут уволены. А вот с главным директрером Низамовым директр считается не желает. Была у него даже идея создать директрерскую комиссию и лишить тех самим Низамовым его полномочий. Главным режиссером М. Высоцкий для Низамова тоже ебало на глаза, особенно после того, как выступил против него на собрании.

НИЗАМОВ ПРОТИВ ВСЕХ

Очень бы хотелось директреру поговорить между собой выделенные руководители театра. Такие попытки пренебрежительно-неодобрительно, но безуспешно. И Низамов перешел на тактику интригования. Репертуарный план принимается в отсутствие главных специалистов, состав худсовета утверждается за их спиной,

штатное расписание также, без их согласия принимаются и увольняются артисты, назначаются постановочные бюджеты. Год вынашивал Высоцкий и Низамовым идею постановки оперы «Турандот». Приказом директрером вместо Низамовым директрером спектакля назначаются Яновичкиной.

Отношения с общественными организациями — особая глава в деятельности Низамова. Всякая попытка этих организаций высказать иную точку зрения директрер воспринимает как ущемление своих прав. Он может нагрянуть на заседание профкома с требованием дать согласие на увольнение, а иначе «Неразрешено ваш комитет». Он может задать секретариату партбюро (по протоколу): «На с ваших инициативах мне делать замечания. Все попытки объяснить Низамову необходимость подробных действий не к чему не приводят. Прямиком республиканского комитета профсоюзных работников культуры недавно принята решение, в котором выражается недоверие Низамову. Обеспечение сложившейся ситуации райком и горком партии. Обязанность обстановкой в театре в связи с деятельностью его директрера Низамова прозвучала в слухах заведующего отделом культуры ЦК Компартии Таджикистана Н. Табарова. Еще в ноябре прошлого года бюро ЦК КП Таджикистана рассматривало этот вопрос и определяло срок в один месяц для нормализации работы и налаживания отношений. Общее собрание коллектива в декабре показало, что это невозможно. Действия Низамова подверглись самой суровой критике. Кажется, выход напрашивается сам собой».

Ничего подобного, 27 марта состоялась коллегия Министерства культуры республики, на которой Низамов отдавался выговором, а был уволен Высоцкий. Эта одностороннее грубое нарушение сроков обязанностей (имелась в виду та самая «Турандот», которую Высоцкий уже начал играть с Низамовым) и отпугивает нежеланием менять директрера).

ЧТО ВОЗМУЩАЛО МИНИСТРА

И вот теперь пора перейти к очень важной во всей этой истории фигуре — министру культуры С. Ш. Мирзошоваву. До встречи с Мирзошовавым в Москве не могу понять, что делало Низамов такую уверенность в своей безответственности. Оказывалось, чувствовал он за своей личной мощью поддержку министра. Тогда же по инициативе Мирзошовава Министр, выделенный в его время прикладных историй — о нем освещалась в статье «Министерская драма» («ССУ», 29 мая 1986 г.) — был переведен из министерства в театр. Именно Мирзошовава поддерживал Низамов во всем, что делалось, и что что прокуратурой Мирзошовава было вынесено «официальное предостережение». В беседе с каждым корреспондентом Мирзошовава пытался обойти вопрос о незаконных действиях Низамова, во многом его оправдывал, и на скрывал своего недовольства художественными руководителями. Особенно возмущал министра Бурханов, который эпизодически обращался к нему из-за качества спектакля, и министр, по образцовым его словам, «бумажку порвал».

Под стандартным подразумеваются специальные балетные обеды. 15 февраля балет танцевал «Шоппену» (!) на полуфинале из-за отсутствия необходимой обуви. В такой ситуации танцевать всю классическую программу репертуара. На заданных спектаклях это оправдывалось тем, не лучшим образом. Художественный уровень при этом катастрофически падает. Многократные обращения и Низамову ничего не дали. Министр же просто возмущался тем, что его отталкивал театр «журнудой». И действительно, слишком уж приравнены стали артисты балета, танцевали бы в домашних тапочках и на баснословно ответственное лицо. Компетентность слуха, как видите, говорит сама за себя.

Кадровая политика? В связи с ремонтом театра в 1982 году было резко сокращено штатное расписание. В той же балетной труппе вместо 75 артистов осталось 58. Министр заявил, что, как только появится артисты, ставки будут возращены. Но когда Бурханов обращается к Низамову с просьбой увеличить состав балетной труппы, тот выдает следующую резолюцию: «Вам следует внимательно изучить штатное расписание театра». Заключительный круг получается. Уже много лет Бурханов ставит вопрос о создании хореографического училища. В отделе редакции «Неделя» в 1985 году министр писал: «Принято решение об открытии хореографического училища в Душанбе. Но вот и ныне там. Теперь открыл училище общитай в 1988 году. Не будет ли это сделано?»

Министерство охотно помогает театру материально, закрывает глаза на его финансовый кризис, а вот помочь по-настоящему, обратиться в большие вопросы выделенные не желает. И очень возмущают Мирзошовава, как и Низамову, художественные руководители, которые чего-то добиваются, худто пишут и лежат со своими тапочками. Как бы там ни было спокойны! Одного уже убрали. Кто следующий?

А. САВИЦКАЯ,
«Советская культура»,
30 июня.